

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМА — ВАЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЭКОНОМИКО-ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Б. Д. Бабаев, Д. Б. Бабаев

В статье в концептуальном плане обоснована мысль о том, что важнейшее направление совершенствования экономической теории лежит на путях взаимодействия политической экономии и институциональной экономики.

Задача статьи — представить авторскую концептуальную схему взаимосвязи политической экономии и институциональной экономики. По нашему мнению, важнейшее направление совершенствования политэкономии как ветви экономико-теоретического знания связано с усилением ее взаимодействий с институциональной экономикой, формирующей понятия институциональной среды и экономического поведения агентов. В свою очередь, институциональная экономика, отражая поверхностный слой экономических отношений, усилит свои теоретико-методологические позиции за счет включения важных политико-экономических компонентов, связанных

с тем, что политическая экономия в качестве предмета изучения имеет объективные экономические категории и законы. Важно, чтобы симбиоз двух ветвей экономической теории носил взаимовыгодный характер, но в то же время сохранились самостоятельность и самобытность как одного, так и другого направления.

В силу того, что как политическая экономия, так и институционализм имеют различные версии, необходимо определиться, как мы трактуем эти ветви экономико-теоретического знания.

В понимании политической экономии мы руководствуемся тем соображением, что со-

вокупность объективных экономических отношений, образующая экономический базис общества, взаимодействует, с одной стороны, с производительными силами общества, с другой — с политико-правовыми и социокультурными факторами, формирующими надстройку. Такой исследовательский взгляд отражает реальную экономическую картину мира и центральную роль экономики в общественном развитии. Следуя взглядам А. Смита, мы в понимании политической экономии выделяем два уровня абстракции, и, соответственно, два уровня экономических отношений. Их эндотерический слой фиксирует генезис, сущность, содержание экономических понятий, а экзотерический подход уже имеет дело с формами проявления, механизмом действия, социально-экономическими последствиями хозяйственных процессов. Первый подход — сущностно-содержательный, второй имеет развитие черты описания. Естественно, вслед за сложившейся традицией в изучении экономических процессов мы опираемся на причинно-следственный подход (каузальность как метод, адекватный содержанию и характеру политической экономии как науки).

В развертывании содержания политико-экономического знания мы склонны выделить два направления. Одно отражает экономические отношения, складывающиеся по поводу производства и воспроизводства общественного продукта, который рассматривается как материальные блага, услуги, работы. Другое направление — это отношения по поводу жизнедеятельности человека, его полноценного функционирования в рамках воспроизводственных подходов с учетом того, что необходимо трактовать человека не только и не просто как рабочую силу, но и как суверенную личность с многообразными запросами. В данном случае развивается гуманистическое начало, фиксируются многообразные социальные аспекты, политическая экономия приобретает субъектный характер.

Метод политэкономии должен соответствовать ее характеру и решаемым ею задачам — это прежде всего материалистическая диалектика с ключевым словом «противоречие». В то же время используются и другие методы и подходы (эволюционный, синергетический, равновесный и иные), мы полагаем, что полиметодология, в центре которой — диалектика материалистического характера, наиболее адекватна современному пониманию рассматриваемой отрасли экономико-теоретического знания. Абстракция как важнейший прием

познания общественных наук сохраняет свою значимость.

Общая задача политэкономии — вскрыть экономические законы общества как законы производства, распределения, обмена и потребления. В нашем понимании эти законы имеют отношение не только к движению продукта, но и к развернутой теме воспроизводства человека в единстве рабочей силы и личности. Экономический закон — ключевое понятие, по сути завершающее основную часть исследования [4, 5, 6, 8, 12, 14, 15, 20, 24, 26, 28].

Остается тема интерпретации полученных результатов. В данном случае целесообразно отметить, что мы разводим понятие политической экономии как науки и политической экономии в ее идеологической функции. Так, если К. Маркс сформулировал закон прибавочной стоимости, то он это сделал, исходя из определенных научных предпосылок — своего учения о двойственном характере труда, воплощенного в товаре, понимания рабочей силы как единства потребительной стоимости и стоимости, трактовки процесса труда как основы производственной деятельности. Другое дело, что сам этот научный результат стал активно использоваться в интересах классовой борьбы пролетариата. Во втором случае речь уже идет об интерпретации теоретического вывода с указанием тех областей, где этот вывод может использоваться в тех или иных целях. Таким образом, мы выражаем несогласие с суждением, когда политэкономия рассматривается как единство науки и идеологии¹.

Политэкономия имеет ряд версий, но в современных условиях в российской среде наиболее влиятельным является марксистское экономическое учение, которое делает упор, с одной стороны, на детерминированность хозяйственных процессов, с другой стороны, на социальные аспекты анализа. В анализе фигурирует не абстрактный человек (это неоклассика), а персоны с определенными интересами (капиталист, наемный рабочий и др.). Тема экономических интересов — сквозная.

Значимость политической экономии в том, что она не просто вскрывает экономическую картину мира в двух измерениях (эндотерические и экзотерические аспекты), но и показывает механизмы и функционирования, и развития. В 1990-е гг. вследствие известных обстоятельств эта наука оказалась отодвинутой на второй план, но в настоящее время по-

¹ Подобного рода точка зрения изложена в статье «Экономия политическая» (без указания автора) в [29].

литэкономы активизировались как в научном, так и в организационном отношении.

Институционализм существует в разных ветвях¹. Во-первых, выделяют традиционный институционализм (Т. Веблен, Дж. Коммонс, У. Митчелл) и версии неинституционализма, в основном сложившиеся в послевоенный период. Во-вторых, последний при наличии существенных общих черт, в свою очередь, также распадается на различные течения и школы: институционально-социологическое течение (Ф. Перру); учение о трансформации капитализма (Г. Минз, А. Берли); теория прав собственности, связанная с именами Р. Коуза, Г. Демсеца, А. Алчяна; трансакционная теория организаций О. Уильямсона и др.

Исходя из цели нашего исследования мы выделяем следующие характеристики современного институционализма, который иногда рассматривается как составная часть неоклассической экономической теории². Впрочем, Р. Коуз, А. Алчян, Г. Демсец и их единомышленники придерживались иной позиции, считая свое учение самостоятельной ветвью экономико-теоретического знания.

В исходе институциональной экономики — совместная деятельность экономических агентов, рассматриваемая без каких-либо ограничений (Т. Веблен и др.), регулируемая внешними рефлексивными нормами, одни из которых выступают как законы правового характера, а другие связаны с обычаями, традициями, привычками³.

Центральное понятие — социальный институт. По сути, в приведенном в предыдущем абзаце определении дано представление об институте. Институты опосредуют процессы производства, распределения, обмена, потребления, будучи связанными с коллективной человеческой работой.

Мы выделяем следующие три исследовательских направления в рамках институциональной экономики.

Во-первых, институциональные изменения, это, по существу, становление социальных институтов. Процесс идет следующим образом: меняются внешние факторы (техно-

логия производства, квалификация и опыт работников, индивидуальные вкусы и предпочтения и пр.), происходят изменения в индивидуальных взаимодействиях людей, приводящие к сдвигам в содержании и структуре их экономических интересов. Затем возникшие на основе этого правила и нормы из частных и эпизодических становятся общепринятыми, уже определяются как конкретные социальные институты.

Во-вторых, тема институтов разрабатывается не только в границах рыночного пространства, но и в нерыночных структурах (домашнее хозяйство, образование и пр.). Это получило название экономического империализма, типичным представителем которого был известный Г. Беккер.

В-третьих, проблематика институтов переводится в плоскость экономического поведения субъектов (социальное действие). Действующие субъекты совершают сделки, именуемые трансакциями (термин введен Коммонсом в 1934 г.), в основе которых обмен правами собственности (отсюда важность темы спецификации прав собственности). Сделка принимает форму контракта, сопровождается трансакционными издержками. Тема экономического поведения не является принадлежностью исключительно институционализма, она активно и давно используется в экономической науке. Однако, как мы видели, экономическое поведение теснейшим образом увязывается с обменом правами собственности, различными видами контрактов и пр.

В центре методологии, на которую опираются институционалисты, находятся два взаимосвязанных понятия — изменения (связанные с динамикой экономики) и неравновесность (предпосылка динамического развития). В то же время представители этого направления активно используют то, что можно назвать экономической социологией в сочетании с правовыми аспектами, что адекватно представлению о социальном институте как центральном моменте институционализма.

Если вести разговор о политико-экономической интерпретации какого-либо процесса, события, то это будет связано с необходимостью выяснить экономический закон его движения. В то же время сами характеристики увязываются с интересами действующих персон и предполагают социально-классовые оценки (интерпретацию). Что касается институциональных оценок, то они предполагают опору на категорию институтов и неизбежно выходят на представление о достаточности или недо-

¹ См.: [24, 25]. В издании [18] содержатся фрагменты сочинений ведущих институционалистов «старой» и «новой» школ. См. также [19, 22].

² Такой точки зрения придерживаются В. Автономов, Р. Капелюшников [9].

³ Понятие «внешние рефлексивные нормы» используется В. Гребенниковым [9], при этом он ссылается на книгу Штаммлера «Хозяйство и право» (русское издание 1898 г.), который ввел указанный термин в научный оборот.

статочности институциональных структур (в целом происходит выход на институциональную среду).

В наших суждениях о взаимодействии политической экономии и институциональной экономики мы руководствуемся следующей схемой:

1. Эндотерический слой экономических отношений как сущностно-содержательных (законы «сущностного» порядка).

2. Экзотерический слой экономических отношений как отношений поверхностных (экономический закон формы)¹.

3. Институциональная среда как набор и взаимодействие социальных институтов. Это некий пограничный слой отношений, где чисто экономические связи, взаимодействия соседствуют с социальными связями и взаимодействиями, имеющими по преимуществу правовой характер, существующий либо в виде законодательной нормы, либо в виде обычая, жизненного правила.

4. Экономическое поведение хозяйствующих субъектов, осуществляемое под воздействием как внешних факторов (идеи детерминизма, весьма характерные для политической экономии, отчасти значимы и для институциональной экономики), так и под влиянием личных побуждений и запросов субъекта². Д) В рамках экономического поведения, трактуемого в широком смысле слова, можно выделить социально-экономическую политику.

Сделаем еще одну попытку развести политическую экономию и институционализм, опираясь на известного классика. Дж. С. Милль отмечал, что политическая экономия как наука о законах, которые управляют производством, распределением и потреблением богатства,

тесно связана «с законами природы, а не с правилами поведения...»³.

Итак, надо развести знание об экономике, ее содержании, структуре, функционировании, эволюции (упор на экономические законы) и знание об экономическом поведении людей, их групп, общностей в определенной социально-экономической системе (акцент на институты как правила поведения). Д. Норт в своей книге об институциональных изменениях дал такое определение института, которое является, на наш взгляд, наиболее полным. Во-первых, это нормы и правила поведения, определяемые правовыми законами и обычаями. Во-вторых, это механизмы, которые обеспечивают соблюдение норм и правил как посредством стимулирования, так и путем принуждения. Данное определение может принять любой политэконом, особенно с учетом второй части этой формулировки.

В настоящее время действуют многообразные факторы, способствующие некоторому сближению предметов и методов политической экономии и институционализма. Укажем на некоторые из них.

В современном мире высокой неопределенности и стремительности научно-технического прогресса и иных сдвигов выдающееся значение приобретает тема динамики экономического развития, что предполагает опору на понятие неравновесности экономической системы и учет взаимосвязи производства и потребностей. Д. Норт писал в указанном сочинении, в гл. 14: «упор на изучение технологий оказался полезным вкладом в изучении экономической теории» (речь идет о вкладе институционализма).

Другой сближающий момент — учет в экономических исследованиях не только рыночных, но и нерыночных факторов, поскольку без фиксации последних многие явления и процессы невозможно объяснить, да и сами эти объяснения оказываются упрощенными и чрезмерно абстрактными. Общеизвестно, что возрастает общий интерес к гуманистическому началу в экономических науках, речь идет о человеке как творческой суверенной личности. И в данном пункте воззрения политэкономов и

¹ В. Афанасьев еще в 1970-е гг. выделял два типа экономических законов — законы содержания и законы формы в соответствии с эндо- и экзотерическими слоями экономических отношений. Но в целом эта идея не получила достаточного развития в отечественной экономической теории. В качестве «сущностного» закона можно привести закон стоимости, а в качестве «закона формы» следует указать на закон спроса и предложения, который, по сути, входит в механизм реализации закона стоимости [3, с. 46-54].

² Дж. Ходжсон в уже упоминавшейся нами книге [26] (часть 1-я. Введение в общий план книги) различает поведение человека под влиянием внешних факторов и под влиянием субъективных моментов (в связи с последним он употребляет понятие «воля»). То обстоятельство, что Ходжсон особо выделяет внешние факторы, воздействующие на людей, можно истолковать как некое признание экономической закономерности, детерминизма.

³ Милль Дж. С. Об определении предмета политической экономии; и о методе исследования, свойственном ей — см. в [16, с. 991]. Интересна используемая им аргументация. Он говорит, что искусство пушечной стрельбы — это одно, это практика, а теория метания снарядов, на основе которой строятся стрельбы, — это другое, это действительно теория. Точно так же он разграничил геодезическую съемку и науку тригонометрию.

институционалистов сближаются. И те, и другие активно используют понятие социально-экономической системы как такого пространства, где взаимодействует экономическое начало с началом социальным¹.

Теперь поставим ряд вопросов в порядке конкретизации темы возможных сближений политической экономии и институциональной экономики как двух ветвей экономической теории.

Первая тема — экономическая деятельность. Некоторые политэкономы начинают рассмотрение проблем своей науки с этого вопроса². В то же время и в институциональных трудах «безразмерная» экономическая деятельность также выступает в качестве начального этапа анализа [9].

Предложения, «идушие» от политической экономии: активно опираться на понимание труда как основы экономической деятельности и развивать воспроизводственный подход, видеть новую роль информации как экономического ресурса, возвышать значимость человека в его творческих функциях. Институциональная же экономика предлагает в рассмотрении динамики экономического роста активно разрабатывать проблематику неравновесности экономических систем, а в рассмотрении факторов хозяйственного развития сочетать рыночные и нерыночные условия и обстоятельства. В настоящее время «обе стороны» сходятся на том, что, не умаляя значения стационарных подходов, необходимо делать ставку на изменения, на динамические аспекты социально-экономической системы. Укажем на то, что и политэкономы, и институционалисты критически смотрят на многие положения неоклассики. Один пример мы уже привели — это развитие проблематики неравновесности. Другой пример — превращение информации в важнейший социально-экономический ресурс подрывает значимость закона убывающей полезности.

¹ См., в частности [26, с. 45] и др. В социально-экономическую систему включается не только общественно-экономическая, но и природная среда. В целом этот автор активно использует системный подход, в то же время ссылается не только на институционалистов, но и на Дж. М. Кейнса (см., напр. [10]), К. Маркса и других классиков. В частности, он отмечает масштабность теоретических систем и Маркса, и Кейнса [26, с. 55]. Известно, что Д. Норт в указанной работе об институциональных изменениях говорил о близости институционализма и марксизма в трактовке проблем экономической истории, прежде всего как истории развития производительных сил (см. гл. 14 в [18]).

² См., например, гл. 1 в [26].

Тему экономической деятельности можно развивать все далее и далее, но указанного достаточно для того, чтобы данную проблему рассмотреть под углом зрения, сближающем взгляды политэкономов и институционалистов.

Вторая затрагиваемая нами тема имеет отношение к методологии экономических исследований. Известно, что классическая политическая экономия, берущая начало от А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса и др., активно опирается на понятие экономического детерминизма. Глубоко прав был Ф. Энгельс, когда в своей речи на могиле Маркса он особо подчеркивал материалистическую мысль, что люди, прежде чем заниматься политикой, культурой и пр., должны есть и пить, одеваться и обуваться, иметь жилище, перемещаться и обеспечивать иные материальные запросы. В этом нашем вольном пересказе слов Ф. Энгельса глубокая сермяжная правда — человеческое бытие прежде всего определяется состоянием материальных производительных сил. Теория производительных сил с марксистских позиций глубоко и досконально разработана А.И. Анчишкиным в его неоднократно издававшейся книге «Наука — Техника — Экономика» [2]. Институционалист Д. Норт, известный как специалист в области экономической теории, также придает большое значение технологическому фактору в развитии производительных сил. Тут явное сближение. Кстати, сам Д. Норт указывает в своей книге об институциональных изменениях (гл. 14) на близость своей позиции во многих отношениях к позиции К. Маркса, которая в советской литературе показывалась как диалектический и исторический материализм.

Вместе с тем в нашей литературе почетное место заняли суждения о том, что в научный оборот необходимо вводить термин «социальный детерминизм» (В.А. Медведев и др.)³.

Социальный детерминизм предполагает, что наряду с технологическими и экономическими факторами принимаются в расчет политико-правовые и социокультурные факторы. Например, торможение инновационных процессов в российской действительности мы можем объяснять различными экономическими обстоятельствами, но в то же время мы не дадим ответа на указанный вопрос, если, во-первых, не будем учитывать менталитет нации, во-вторых, если не сможем надлежащим образом интерпретировать социально-экономическую политику государства. Инновационное разви-

³ См. также [7].

тие — это императив, это объективное требование эпохи, даже, строго говоря, фактор не только развития, но и выживания в нынешней обстановке, особенно в связи с вхождением в ВТО. Этот закон надлежит трактовать в духе социальной детерминации. Институционалисты, со своей стороны, говоря об институциональных изменениях, учитывают технологию производства и прочие материальные условия, но в то же время придают большое значение индивидуальным вкусам и запросам. Позитивно то, что для них эти факторы носят эндогенный характер, находятся внутри социально-экономической системы, в то время как для неоклассиков НТП и многие другие факторы были экзогенными, то есть находились вне исследуемой системы. Вообще понятие социально-экономической системы как поприща всесторонней человеческой деятельности вполне может рассматриваться как интеграционное поле, где политэкономы и институционалисты вполне могут сотрудничать.

Третья тема, которую мы хотим поднять, — это взаимосвязь производства и потребления. Вечный вопрос как вопрос теоретико-познавательный: что впереди — курица или яйцо? Классическая политическая экономия исходила из примата производства, такова была парадигма: прежде чем что-то потреблять, продукт надо произвести. В то же время маржиналисты (в этом их заслуга) вперед выдвинули человеческие потребности, исходя из того, что человек с его потребностями — это цель хозяйственной деятельности. Вследствие этого и целого ряда теоретико-методологических и мировоззренческих обстоятельств позиции сторон кардинально разошлись. Мы полагаем, что необходимо ставить вопрос о неразрывной органической связи производства и потребностей¹. Так, если ставится вопрос о строительстве крупного предприятия, то прежде проводится эффективное исследование рынка, это исследование даст ответ на вопрос о целесообразности проекта. Это элементарный пример, который нетрудно разработать, создав целую теорию взаимосвязи производства и рынка (потребности людей, оплачиваемые ими из своего кошелька).

Сама по себе предлагаемая нами постановка вопроса требует «присутствия» в экономической теории человека и как рабочей силы, и как личности. В этом случае само общественное производство мы будем трак-

товать как единство материальных и духовных производительных сил, что само по себе важно. Такая постановка вопроса отнюдь не нова, сам термин «духовные производительные силы» почерпнут из сочинений К. Маркса, но в реальной жизни в условиях рыночной экономики возникают искажения и деформации. Так, коммерциализованная культура, коммерческие средства массовой информации зачастую не столько просвещают и обогащают человека, сколько его дезориентируют и даже развращают. Можно напомнить, сколько критических сигналов адресовано отечественному телевидению, активно пропагандирующему насилие и прочие так называемые современные ценности рыночного мира. В рамках взаимосвязи производства и потребностей применительно к нынешним условиям неизбежно возникает вопрос об общественном и государственном контроле за экономикой и социальными явлениями. В данном случае позиции политэкономов, особенно марксистов, и институционалистов заметно сближаются. Напомним, что в институциональной науке идеи общественного контроля за капиталом идут от Т. Веблена, в связи с чем можно упомянуть его книгу «Теория праздного класса», где дается критика престижного потребления и развиваются другие важные идеи, сохранившие свою ценность и по сей день.

Институционалисты в целом недооценивают значимость изучения производства, его сердцевины — процесса труда². В этом отношении они достаточно близки к неоклассике. В любом случае разработка проблематики человека с его потребностями (институционалисты смогли преодолеть феномен абстрактного неоклассического человека) без рассмотрения производства означает обеднение экономической теории и утрату многих возможностей, которые возникают при рассмотрении экономической деятельности в рамках воспроизводственной цепи «производство — распределение — обмен — потребление». Возьмем для примера категорию трансакционных издержек, кстати, понимаемую разными лицами по-разному. Если в экономике укрупненно выделить три сферы, то в рамках макроэкономического подхода можно говорить об издержках производства, издержках обращения, издержках потребления. Такая постановка вопроса отличается ясностью и дает четкие исследовательские ориентиры. Этот вопрос не следует

¹ В. И. Маевский в статье «Эволюционная теория и макроэкономика» [13].

² С этим придется согласиться каждому, кто познакомится, к примеру, с [22].

считать чисто политэкономическим, это общеэкономическая постановка проблемы.

Кстати, в связи с темой взаимосвязи производства и потребностей мы обратим внимание на следующий существенный момент. Еще в 1960-е гг. в советской экономической литературе в связи с введением в оборот понятия «организационно-экономические отношения», получившем права гражданства наряду с категорией «социально-экономические отношения», стали появляться исследования, в которых заметное внимание уделялось общим экономическим процессам и общим экономическим законам¹. В данном случае речь идет о том, что общеэкономические процессы могут быть предметом эффективного сотрудничества политэкономов и институционалистов, занимающихся проблемами экономической истории и объясняющих сдвиги как в системе производительных сил и в хозяйственном укладе людей, так и в институциональной структуре и в человеческом мышлении.

Теперь коснемся темы экономического закона и социального института как центральных пунктов политической экономии и институциональной экономики соответственно². Создается впечатление, что исследователи стремятся дать свои формулировки соответственно с характером и задачами своего исследования. На наш взгляд, институт — это прежде всего структурное образование (экономическое, социальное или иное). Сама эта структура, будучи институтом, «думает» за других людей и предлагает им нормы и правила поведения. Естественно, определяется свод правил и дается их классификация, один из наиболее

¹ Понятие «организационно-экономические отношения» возникло спонтанно, поскольку кто-то обратил внимание на статью Г.В. Плеханова «Критика наших критиков», где тот наряду с имущественными отношениями выделил отношения, получившие название организационно-экономических (кооперация и разделение труда, пропорции общественного труда в границах фабрики и пр.). Что же касается исследования общих экономических законов, то можно вспомнить вышедшую в 1960-е гг. книгу Д.К. Трифонова под таким же названием. Там он исследовал закон повышающейся производительной силы труда и ряд других законов, которые нельзя было назвать специфическими законами, то есть законами конкретной общественно-экономической формации.

² В понимании института есть определенные расхождения. Так, Е.В. Попов в своей монографии использует такое понимание: «Институты — устоявшиеся нормы взаимодействия между экономическими агентами» [21, с. 51]. В то же время в разнообразной экономической литературе институт трактуется как правило, норма, вытекающая из закона или обычая, подкрепленная системой стимулов и механизмов принуждения.

распространенных классификаторов — формальные и неформальные, законы и обычаи. Система вырабатывает механизмы, одни из которых формируют мотивацию к соблюдению норм, а другие действуют принудительно, заставляя людей поступать так, а не иначе. При этом предполагается система санкций, наряду с системой поощрения. В этом случае формируется такая институциональная среда, в которой люди действуют сообразно с предписаниями, исходящими из этой среды. По существу, можно говорить об определенной социальной детерминированности поступков людей, хотя, судя по литературе, институционалисты чаще всего открещиваются от слова «детерминизм», у них на это понятие аллергия. В то же время в рамках институционализма допускается отклонение от норм, поскольку, как сказал Дж. Ходжсон, у любого человека есть «воля». Возникают проблемы пределов таких отступлений от норм и многие другие. Во всяком случае институционализм предполагает варианты действий и поступков, но в рамках сложившейся институциональной среды.

Тема вариантов, связанная с представлением о вероятностном характере хозяйственного развития, рассматривается и политэкономиями. Так, еще русский экономист П. Струве, а вслед за ним ряд других исследователей, рассматривая возможности преодоления капитализма и создания нового общественного строя, свидетельствовали о двух вариантах: этот строй органично вырастает из реальной жизни, другой вариант — система строится сверху. По мнению многих исследователей, строительство социализма в СССР шло по второму варианту³. В 1990-е гг. тему альтернатив в развитии России поднял акад. Л.И. Абалкин. Теоретически эту тему можно трактовать, по нашему мнению, следующим образом. Действует система объективных экономических законов, вызывающая, например, необходимость обобществления производства и обращения. Это объективные законы, которые проявляются в самых различных видах, с ними связаны процессы концентрации производства и обращения, интеграции хозяйственного пространства, возникновения транснациональных корпораций и пр. Но вместе с тем экономический закон действует в условиях, когда на него (или на совокупность законов) действуют определенные внешние факторы, с существованием которых, по-види-

³ См. по этому вопросу: Курс переходной экономики / Под ред. Л.И. Абалкина. М.: Финстатинформ, 1997. Раздел 1.1 (автор — Радаев В. В.).

тому, связаны варианты социально-экономического развития.

В связи с темой институтов нас интересует вопрос об институционализации экономических отношений, прежде всего экономических законов. Вот одна из трактовок. Институционализация — процесс превращения новых, эпизодических социальных практик (материальных, духовных), новаций, представлений в устойчивые структуры, подсистемы, складывающиеся в конечном счете в социальные институты. Условия институционализации — это социальная востребованность той или иной структуры, связанная с социальной деятельностью, какой-либо организацией, духовной жизнью. Формирование институтов идет в результате их жесткого отбора на выживание [1, с. 314].

Но мы вводим понятие институционализации в другом ключе, исходя из задачи сближения политической экономии с институциональной экономикой. Сам экономический закон в рамках политэкономии определяется в двух срезах: в эндотерическом понимании речь идет о генезисе, о сущности и о содержании экономического закона; в экзотерическом ракурсе ставится вопрос о формах проявления, механизме действия, социальных последствиях. Такая постановка вопроса все-таки отличается от представления о двух рядах экономических законов — «законы сущности» и «законы формы». Но чтобы на практике закон реализовывался, необходимо, чтобы люди создали для этого соответствующие предпосылки, что можно трактовать как формирование адекватной институциональной структуры. Это и есть в нашем понимании институционализация экономического закона. В этом случае экономический закон не действует спонтанно, стихийно, не наносит ущерба людям, а более или менее плавно включается в систему соответствующих связей и отношений. Приведем простой пример на актуальную тему. Ивановская область, как и другие старопромышленные регионы, оказавшиеся в депрессивном состоянии, столкнулась с острейшей проблемой трудовой миграции. Процессы приобрели неуправляемый характер, лучшая по качеству рабочая сила перетекает в Москву и Московскую область, многие меняют место жительства, другие работают вахтовым методом. Процесс приобрел неуправляемый характер. Институциональная среда, сформировавшаяся в депрессивных регионах, оказалась неадекватной запросам, потребностям значительной части населения. В то же время если

бы активно формировались рабочие места с достойной заработной платой, шла бы структурная перестройка экономики в направлении ускоренного развития передовых производств и осуществлялись бы иные прогрессивные изменения, этот процесс можно было бы взять под контроль. В связи с институционализацией экономических законов мы говорим не просто о формировании соответствующей системы институтов, но и об общественном и государственном контроле за важными социально-экономическими процессами. Мы уже говорили, что эта идея достаточно популярна у представителей многих институциональных течений.

Тему пересечения политической экономии и институциональной экономики можно продолжить, но уже и приведенных примеров достаточно для того, чтобы составить суждение о том, что взаимосвязь двух ветвей экономической теории носит продуктивный характер и может рассматриваться как важное направление совершенствования экономико-теоретического знания. В современной России существует много проблем, которые, по нашему мнению, требуют переосмысления в порядке сотрудничества политэкономов и институционалистов. Укажем на некоторые из этих проблем в порядке постановки вопроса. Одна из тем заключается в том, что цивилизация вошла в такую стадию, когда возникает острейшая необходимость формирования координационных центров как в границах региона, так и в рамках национальной экономики. Все знают, что в рамках мировой экономики существуют структуры, принимающие на себя координирующие функции (МВФ, Всемирный Банк и др.). Некоторые исследователи, например В. Иванченко, законно ставят вопрос о возрождении некоего подобия Госплана СССР.

Крупнейший теоретический и практический вопрос для России — какие вопросы экономики и общества решать на основе самоорганизации и использования рыночных сил, а решение каких вопросов и каким образом примет на себя государство. Эта тема особенно актуальна в связи с тем, что экономика страны по рыночным критериям неоптимальна. Это означает необходимость существенного присутствия государства в экономике и в обществе. Такой подход противоречит либеральным взглядам, в настоящее время происходят схватки между либералами и государственниками. Россия не может полагаться на стихийные силы рынка в решении очень многих серьезнейших задач. Например, в качестве одного из негативных результатов либерализации мы имеем регио-

нализацию страны, выпадение из единого экономического пространства Восточной Сибири и Дальнего Востока (этот процесс зашел уже достаточно далеко, необходимо широко использовать нерыночные подходы для решения этой задачи).

Политическая экономия работает на двух уровнях — сущностном и «поверхностном». Институциональная экономика в основном работает «на поверхности хозяйственного развития». Уже из этого возникает возможность и необходимость их взаимодействия, что предполагает научную кооперацию политико-экономов и институционалистов. В итоге оба теоретических направления получают дополнительные импульсы развития и обогащаются¹.

¹ Тема имеет свою историю. Д. Норт писал, что еще К. Маркс «пытался соединить технологические изменения с институциональными изменениями. Разработка Марксом вопроса о связи производительных сил (под которыми он обычно понимал состояние технологий) с производственными отношениями (под которыми он понимал различные аспекты человеческой организации и особенно права собственности) представляло собой пионерные усилия, направленные на соединение пределов и ограничений технологии с пределами и ограничениями человеческой организации» [18, с. 168].

Какова глобальная задача сближения политической экономии и институциональной экономики?

К. Маркс говорил, что люди застают те отношения, которые уже созданы. В их основе — экономический базис общества с его законами производства и воспроизводства общественного продукта и активной ролью человеческого фактора. Это предполагает многоуровневый анализ экономического строя в обществе с использованием метода абстрагирования и формированием соответствующих моделей. С другой стороны, следуя восхождению от абстрактного к конкретному, необходимо приблизить теоретико-методологические построения к реальной действительности — к институциональной среде (системе), где действуют индивиды, группы людей, их общности, организации, государства, интегрированные формирования. Это означает выдвигание многосторонней проблематики экономического поведения хозяйствующих субъектов и установление факторов, его определяющих.

В итоге мы имеем полноценную многогранную экономическую картину реального мира, где есть то, что образует явленческий слой анализа, и то, что за ним стоит — сущностно-содержательный слой.

Список источников

1. Автономов В. С. Институционализм // Большая российская энциклопедия. — Т. 11. — М., 2008.
2. Анчишкин А. И. Наука. Техника. Экономика. — М.: Экономика, 1989. — 383 с.
3. Афанасьев В. С. Буржуазная экономическая мысль 30-80-х годов XX века. Очерк теории. — М.: Экономика, 1986. — С. 46-54.
4. Бабаев Б. Д. Методологические возможности политической экономии // Актуальное обществоведение : в 2-х т. Т.2. — М. — Кострома, 2001.
5. Бабаев Б. Д., Бабаев Д. Б. Повышение интереса к политической экономии — вызов времени // Проблемы новой политической экономии. — 2004. — №4.
6. Бабаев Б. Д., Бабаев Д. Б., Берендеева А. В. Социальные свойства экономики: теоретико-методологические вопросы // Проблемы современной экономики. Евразийский международный научно-аналитический журнал. — 2007. — №1. — С. 28-34.
7. Бабаев Б. Д., Квашина Н. А., Ключина С. В. Экономика и общество: проблемы взаимодействия // Личность. Культура. Общество. — 2003. — Т. 5. — Спец. вып. № 1-2.
8. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. — М.: Academia, Наука, 1998. — 640 с.
9. Институциональная экономика: учеб. пособие / Под ред. Д. С. Львова. — М.: Инфра-М, 2001. — 318 с.
10. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. — М.: Гелиос АРВ, 2012. — 252 с.
11. Курс переходной экономики / Под ред. Л. И. Абалкина. — М.: Финстатинформ, 1997.
12. Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Популярный очерк // Ленин В. И. Полн. собр. соч. — 5-е изд-е. — Т. 27.
13. Маевский В. И. Эволюционная теория и макроэкономика // Вопросы экономики. — 1997. — № 3.
14. Маркс К. Капитал. Т. I-III. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23, 24, 25 ч. I-II. — М.: ГИПЛ, 1960-1961.
15. Марксизм. Альтернативы XXI в.: дебаты постсоветской школы критического марксизма / Под ред. А. В. Бузгалина. — М., 2009.
16. Милль Дж. С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. — М.: ЭКСМО, 2007.
17. Мировая экономическая мысль: сквозь призму веков : в 5 т. — Т. IV и V (книга первая). — М.: Мысль, 2004.
18. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Начала, 1997. — 186 с.

19. О'Хара Ф. Современные принципы неортодоксальной политической экономии // Вопросы экономики. — 2009. — № 12. — С. 38-57.
20. Политическая экономия: учебник для вузов / Медведев В. А., Абалкин Л. И., Ожерельев О. И. и др. — М.: Политиздат, 1990. — 735 с.
21. Попов Е. В. Эволюция институтов миниэкономики. — М., 2007. С. 51.
22. Природа фирмы / Под ред. О. Уильямсона и С. Уинтера. — М.: Дело, 2001. — 360 с.
23. Сычев Н. В. Политическая экономия. Курс лекций. — М.: Эксмо, 2002. — 389 с.
24. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма. Фирмы, рынки, «отношенческая» контракция. — СПб.: Лениздат, CEV Press, 1996. — 702 с.
25. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. — М.: Дело, 2003. — 464 с.
26. Экономика. Экономическая теория: учебное пособие / Под ред. Б. Д. Бабаева. — Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. — 572 с.
27. Экономическая теория на пороге XXI века — 2 / Под ред. Ю. М. Осипова, В. Т. Пуляева, В. Т. Рязанова, Е. С. Зотовой. — М.: Юрист, 1998. — 768 с.
28. Экономическая теория на пороге XXI века — 3 / Под ред. Ю. М. Осипова, Е. С. Зотовой. — М.: Юрист, 2000. — 664 с.
29. Экономия политическая // Экономическая энциклопедия / Гл. ред. Л. И. Абалкин. — М.: Экономика, 1999. — 1054 с.

УДК 330

Ключевые слова: политическая экономия, институциональная экономика, взаимосвязь политической экономии и институциональной экономики, объективные основы экономического развития, экономические отношения, экономические законы, институты, институциональная среда, институциональная достаточность (недостаточность) экономики